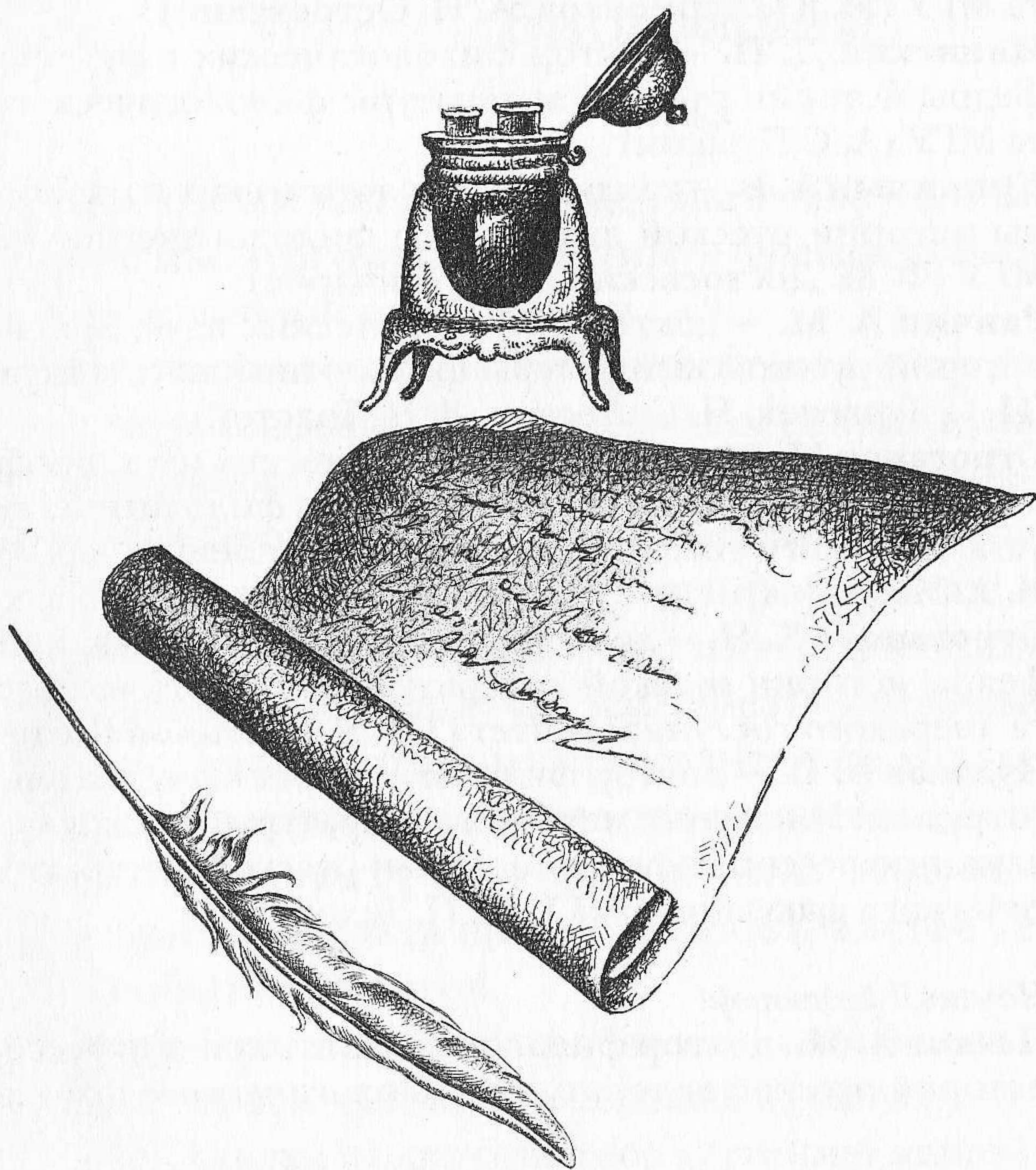

ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ
РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ

МОСКВА
• РОСМЭН •
2003

- 1820 г. — первое издание поэмы «Руслан и Людмила».
- 1822 г. — первое издание поэмы «Кавказский пленник».
- 1823 г. — начата работа над романом «Евгений Онегин».
- 1823 г. — переезд из Кишинева в Одессу.
- 1824 г. — первое издание поэмы «Бахчисарайский фонтан».
- 1824 г. — отъезд Пушкина из Одессы в Михайловское.
- 1825 г. — выходит в свет сборник «Стихотворения Александра Пушкина».
- 1826 г. — Пушкин приезжает в Москву. Аудиенция у Николая I.
- 1827 г. — первое издание поэмы «Цыганы».
- 1829 г. — первое издание поэмы «Полтава».
- 1830 г. — первое издание трагедии «Борис Годунов».
- 1831 г. — венчание с Н. Н. Гончаровой.
- 1833 г. — первое полное издание романа «Евгений Онегин».
- 1833 г. — завершена работа над первой редакцией поэмы «Медный всадник».
- 1834 г. — первая публикация повести «Пиковая дама».
- 1836 г. — вышел в свет первый том редактируемого Пушкиным журнала «Современник».
- 1836 г. — первая публикация романа «Капитанская дочка».
- 1837 г., 27 января — дуэль Пушкина с Жоржем Дантесом.
- 1837 г., 29 января — кончина Пушкина. Отпевание в Конюшенной церкви.
- 1837 г., 6 февраля — погребение в Святогорском монастыре.

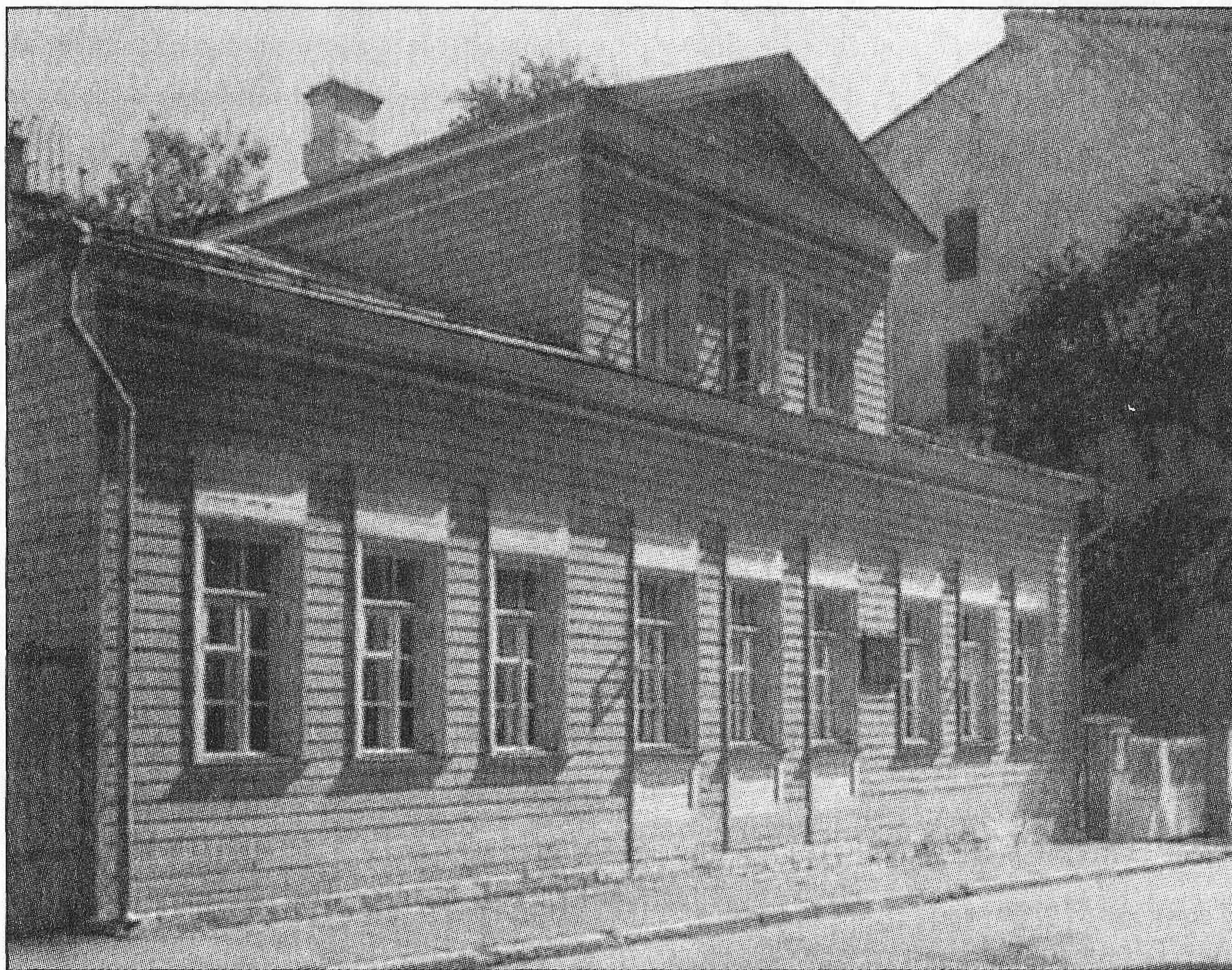
Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Новая русская литература, созданная Пушкиным и его современниками, позволила русским людям свободно и равноправно почувствовать себя в европейской культуре, и это самоощущение, общее для образованных людей того времени, особенно видно в творчестве Лермонтова, начиная с юношеских опытов и до конца пути. Имена Шекспира, Байрона, Шиллера, Вальтера Скотта, Виньи, Мюссе, Гюго, Бальзака то упоминаются самим поэтом или его героями, то о них вспоминают его читатели и критики. Но уже в ранние годы он пишет:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

«Гонимый миром странник» — это общеромантический штамп, одно из привычных определений романтического героя. Но в жизни Лермонтова многие штампы обрели реальный житейский смысл благодаря личному, биографическому опыту. Мотив странничества, мотивы одиночества, утраты возлюбленной, довременной гибели, восточная экзотика и тоска по «милому северу» — всё странным образом реализовалось в жиз-

Москва. Дом-музей М. Ю. Лермонтова.

Фотография

ни. И трудно теперь сказать, судьба или поэзия так сформировали жизнь Лермонтова. Бесспорно одно — поэтическая образность оказалась оплачена жизнью.

Метафора «жизнь-путь» определяет и человеческую, и творческую судьбу Лермонтова необычайно точно. «Гонимый миром странник» в ранней поэзии — «странствующий офицер с подорожной по казенной надобности» в романе «Герой нашего времени» (сказано это о герое, но, конечно, не раз Лермонтов так думал и о себе). Начало и конец жизни-пути. И движение по нему определило многие перемены и в авторе, и в герое лермонтовской поэзии.

Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 г. в Москве, в снесенном позднее доме у Красных ворот. В ожидании события его родители приехали в Москву из пензенского имения Тарханы, принадлежавшего семье матери. Сюда же они вернулись, когда сыну было примерно полгода.

Мария Михайловна Лермонтова, урожденная Арсеньева, по материнской линии происходила из старого и весьма разветв-

М. М. Лермонтова и Ю. П. Лермонтов. Родители поэта.

ленного рода Стольпиных. Ее брак с мелким помещиком, отставным офицером Юрием Петровичем Лермонтовым не обрадовал родных. Отца Марии Михайловны к тому времени не было в живых, после рождения дочери его отношения с женой Елизаветой Алексеевной расстроились, он увлекся другой женщиной, в 1810 г. покончил с собой. Елизавета Алексеевна не захотела расставаться с единственной дочерью. Юрий Петрович согласился жить в Тарханах, тем более что в небольшом тульском имении кроме него жила еще его мать с незамужними дочерьми. Но брак по любви родителей будущего поэта оказался тоже неудачным. После рождения сына Юрий Петрович заметно охладил к своей мягкой, мечтательной, болезненной жене, что не улучшило отношения к нему тещи. В доме происходили постоянные ссоры, безусловно ускорившие развитие болезни Марии Михайловны, и на двадцать втором году жизни она умерла от чахотки, оставив сиротой сына двух с половиной лет. Тем не менее у Лермонтова осталось воспоминание о матери. В автобиографических заметках читаем: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал: ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать». Музыкальная Мария Михайловна, по свидетельствам домашних, действительно часто брала сына на колени и садилась с ним к фортепьяно.

М. Ю. Лермонтов в детстве.
1820–1822 гг.

Е. А. Арсеньева, бабушка поэта.
Начало XIX в.

После смерти Марии Михайловны Юрий Петрович, оставив сына у бабушки (как он думал, временно), возвращается в свое тульское Кропотово, а Елизавета Алексеевна начинает советоваться со своими родными о том, как бы удержать обожаемого внука при себе. В итоге она составляет завещание, по которому все состояние должно после ее смерти перейти внуку при условии, что до совершеннолетия он останется с ней. Если же отец заберет его к себе, состояние полностью возвращается в род Столыпиных. Юрий Петрович, понимая, что его возможности дать сыну воспитание, не говоря уже о состоянии, неизмеримо меньше, чем у тещи, отступает. Но он, с общего согласия, время от времени встречался с сыном.

Елизавета Алексеевна распоряжается о сносе тарханского дома, где она пережила столько горя, и о постройке нового. Целый год она с внуком живет в Пензе, а в 1818 г. возвращается в Тарханы, в меньший, чем прежде, но уютный дом. Здесь будущий поэт проживет до 1827 г., вернется сюда летом 1828-го, потом приедет к бабушке встречать Новый год в 1836-м.

Елизавета Алексеевна ничего не жалела для внука. У него были бонна-немка, домашний доктор и учителя, при этом отнюдь не похожие на тех случайных иностранцев, которых столько раз осмеивала русская литература. Лермонтов любил

и свою «мамушку» — Кристину Осиповну Ремер, и гувернера-учителя — Жана Капе, пленного офицера наполеоновской гвардии, оставшегося в России. Когда Капе умер от чахотки в доме Арсеньевой, его воспитанник тяжело переживал это. Хорошо относился он и к заменившему Капе французскому эмигранту Жандро, позже — к англичанину Винсону. Характерно, что Ремер и Капе оставили по себе добрую память среди тарханской дворни и крестьян.

Чтобы ребенок не чувствовал одиночества, вместе с ним воспитывались и учились мальчишки родных и соседей по имени. В парке до сих пор сохранились остатки земляных траншей, где дети играли в войну. Лермонтов учился охотно и успешно. Его одаренность была разносторонней. Он любил рисовать и лепить и вскоре стал брать уроки рисования и живописи. Он любил музыку и хорошо играл на фортепьяно, скрипке и флейте. Рисовал и писал маслом Лермонтов до конца жизни, значительная часть его художественных работ сохранилась, и мы с уверенностью можем сказать, что это не обычное в дворянских семьях овладение некоторыми навыками рисунка, умения «снимать виды» (фотографий-то не было!), а вполне профессиональная живопись и рисунок.

Рассказывали, что совсем маленьким Лермонтов любил подбирать слова в рифму: «стол-пол», «кошка-окошко» — и, радуясь, бежал сообщать их бабушке. На затынутом сукном полу он любил рисовать мелом.

Короткая жизнь Лермонтова, офицера и опального поэта, проходила в вынужденных странствиях и переездах, и был он, пожалуй, самым «бездомным» русским поэтом. Но в поэзии его всегда жил идеальный образ «мирного края» — образ Тархан.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают

Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

Так Лермонтов, приближаясь к трагическому концу своей недолгой жизни, вспоминает родные Тарханы в одном из самых драматических своих стихотворений — «Как часто, пестрою толпою окружен...». Влияние Тархан в лермонтовской поэзии гораздо шире, оно не исчерпывается непосредственно усадебными впечатлениями, и тем, кто едет в лермонтовские места, очень важно приближаться к Тарханам не в спешке, вглядываясь в их ближние и дальние окрестности. В стихотворении «Родина» он писал, вспоминая Тарханы:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень...

Таинственные по своему воздействию строчки. Сколько ни уверяешь себя, когда в темноте на поезде или на машине мчишься по степи мимо далеких электрических огней, что и скорость не та, и огоньки не такие — а все же твердишь эти щемящие строчки.

Именно «Родина», стихотворение, где, казалось бы, не так уж легко усмотреть «портрет» реального, строго определенно-го уголка России, где облик отчизны дан в широчайшем обобщении, именно эти стихи дают ключ к пониманию того, какое влияние на творчество Лермонтова имели с детства впитанные тарханские впечатления.

Тарханы одарили поэзию Лермонтова удивительным, никому из русских поэтов в такой мере не присущим чувством полета, необычайно свободного пространственного воображения. В этих краях глаз Лермонтова с детства привык далеко видеть. Образ России, широкой, бескрайней, — едва ли не общее устойчивое представление о нашей родине. Но далеко не везде оно так конкретно и наглядно, как в наших южнорусских степных областях. Тарханы расположены в местах, где лес встреча-

ется со степью. Отсюда мальчика Лермонтова возили лечиться на Кавказские минеральные воды (1820 и 1825 гг.). И не раз в детстве мальчик, а потом и ссыльный офицер Лермонтов долго ехал через степные просторы, чтобы наконец увидеть на горизонте цепь кавказских гор.

Горы и степи странно сближены в поэзии Лермонтова. В стихотворении «Люблю я цепи синих гор...» встречаем строчки:

Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль среди степей?

Ощущение простора, раздольности, парящего полета — почти физическое ощущение от лермонтовских стихов. Глаз как бы охватывает разом бескрайние пространства: гора видит гору («Спор»), сосна — пальму («На севере диком...»), звезда с звездою говорит («Выхожу один я на дорогу...»), а вся страна в «Родине» увидена с высоты птичьего полета:

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.

В 1827 г. Елизавета Алексеевна переезжает в Москву для продолжения образования внука. Здесь они поселились на Поварской. К Лермонтову начали ходить учителя, готовившие его к поступлению в Московский университетский благородный пансион. Общее руководство подготовкой (а позже и наблюдение за пансионскими занятиями) принадлежало пансионскому преподавателю русского и латинского языков А. З. Зиновьеву, который много лет спустя оставил воспоминания о Лермонтове, очень благожелательные. В них он спорил с некоторыми мемуаристами, описывавшими внешность и поведение Лермонтова во враждебных тонах. Вообще, воспоминания о Лермонтове отличаются очень большим разбросом мнений о его характере, поведении и даже внешности. Но, вчитываясь в эту разноголосицу (а враждебного понаписано немало), начинаешь видеть одну закономерность: близко знавшие Лермонтова, знакомые с ним «домашним образом», говорят о его доброте, «благородном поведении», способностях,

веселом, ровном нраве. Даже внешность его они воспринимают совсем иначе, не видя в ней ничего отталкивающего, не считая его уродливым (сам он, по-видимому, думал, что дурен собой). Вот как описывает его внешность знавший его в пансионские годы художник М. Е. Меликов: «В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти, с черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны».

«Миша учился прекрасно, вел себя благородно, особые успехи оказывал в русской словесности <...> Он прекрасно рисовал, любил фехтованье, верховую езду, танцы, и ничего в нем не было неуклюжего: это был коренастый юноша, обещавший сильного и крепкого мужа в зрелых летах», — вспоминал в 1860-е гг. его учитель Зиновьев. Отметим, кстати, что единодушно засвидетельствованное мемуаристами хорошее отношение мальчика Лермонтова к своим учителям и гувернерам явно говорит о том, что в этом доме уважительно относились к воспитателям. Между тем социальный статус учителей и даже университетских профессоров в ту эпоху был весьма невысок.

Все, кто знал детство Лермонтова, единогласно пишут о совершенно исключительной любви Елизаветы Алексеевны Арсеньевой к внуку и о том, что она его беспредельно баловала. Вот рассказ ближайшего друга Лермонтова С. А. Раевского, записанный первым биографом поэта П. А. Висковатым: «Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Всё ходило кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его».

Безграничная любовь, окружавшая мальчика дома, не сделала его черствым эгоистом, как это иногда бывает. Всю жизнь он был чрезвычайно привязан к бабушке, его письма к ней полны трогательной заботы и любви. Уже будучи офицером, он скучал без нее и упрашивал приехать в Петербург, чтобы жить с ним вместе.

Единственное, что омрачало детство и отрочество Лермонтова, был раздор между бабушкой и отцом. Судя по воспоминаниям ближайшего младшего друга Лермонтова, его троюродного брата Акима Павловича Шан-Гирея, в быту Мишель, как звали его домашние и близкие, никак не проявлял своей тоски по отцу. Но в его творчестве драматическое переживание ссоры между двумя любимыми людьми и разлуки с отцом, образ которого он склонен был воспринимать в романтическом свете, отразилось со всей определенностью.

Бабушка не препятствовала встречам внука с отцом. В 1827 г. сын ездил к нему в Кропотово, а после переезда Арсеньевой с внуком в Москву отец его там ежегодно навещал. Умер он в 1831 г. и в своем завещании так обратился к сыну: «...ты одарен способностями ума — не пренебрегай ими и всего более страшись употреблять оные на что-либо вредное или бесполезное: это талант, в котором ты должен будешь некогда дать отчет Богу! <намек на евангельскую притчу>. Ты имеешь, любезнейший сын мой, доброе сердце... Благодарю тебя, бесценный друг мой, за любовь твою ко мне и нежное твое ко мне внимание...»

Переезд в Москву, а затем и поступление в Московский университетский благородный пансион полупансионером (т.е. он жил дома с бабушкой и только время с 8 утра до 6 вечера проводил в пансионе) не изменили коренным образом среду Лермонтова.

Пансион располагался на Тверской, на месте теперешнего Центрального телеграфа. Это было особое учебное заведение, основанное одновременно с Московским университетом в 1755 г. Во времена, когда там учился Лермонтов, пансион не воспринимался как подготовительная ступень к поступлению в университет: его выпускники получали те же чины по Табели о рангах, что и выпускники университета, по своему статусу он походил на Царскосельский лицей. В программу обучения, которое длилось 6 лет (принимали мальчиков 9–14 лет), входили юридические науки, богословие, математика, физика, география, естествознание, военное дело, рисование, музыка, танцы, языки.

Московская дворянская жизнь напоминала усадебную. Дома, которые снимала Арсеньева на Поварской, потом Малой Молчановке, были в близком соседстве с домами родственников и друзей, дети, среди которых преобладали девочки-подростки (все они считались кузинами), тесно общались между собой — круг оставался замкнутым и дружеским. И пансионская атмосфера не внесла психологических перемен.

В старших классах — а Лермонтова приняли сразу в четвертый класс — преподавали преимущественно университетские профессора. «Надо всем господствовало литературное направление», — как вспоминал один из выпускников пансиона. Русскую словесность преподавали известные поэты того времени А. Ф. Мерзляков и С. Е. Раич. Существовало литературное общество, выпускались рукописные журналы. В большой пансионской библиотеке, которой активно пользовались ученики, была хорошо представлена философская литература. Лермонтов учился успешно и с увлечением, завершая учебный год то вторым, то первым учеником.

В Николаевскую эпоху к пансиону относились с подозрением как к заведению, воспитывавшему свободомыслие: среди его выпускников прошлых лет было много не только известных литераторов, но и гвардейских офицеров, а некоторые из них оказались в рядах декабристов. Весной 1830 г. случилась, можно сказать, катастрофа: Николай I без предупреждения посетил пансион, попал на перемену, остался крайне недоволен видом раскованной и шумной толпы воспитанников, не сразу заметивших императора. Вскоре пансион был лишен своих привилегий и преобразован в гимназию. После этого Лермонтов ушел отсюда, не кончив курса, а в сентябре 1830 г. поступил в Московский университет.

С поступлением в университет Лермонтов выходит в широкий мир, где он всем чужой, а некоторым и чуждый. Надо было как-то по-иному поставить себя, найти верный тон в общении. Лермонтову это, по-видимому, не слишком удавалось. Первоначально он поступил на более «дворянское» политическое отделение, но затем перешел на словесное, что соответствовало его интересам. На этом отделении преобладали разночинцы. Мемуарные источники, относящиеся к университетской поре, рисуют Лермонтова сторонящимся товарищей, одиноким и

даже заносчивым. Позднейшие исследования выявили, что все же Лермонтов имел свой небольшой круг студенческих друзей, которым охотно читал стихи. Это были А. Д. Закревский, В. А. Шеншин, Н. С. Шеншин, И. А. Лопухин. С первыми тремя Лермонтов сохранил отношения и позже. Лопухин же был его близким другом с самого приезда в Москву. Они жили по соседству, общались домами, близкие отношения связывали их до конца жизни Лермонтова. Всё это была дворянская молодежь, принадлежащая к тому же кругу, что и сам Лермонтов. Казалось, он вполне далек от демократической части студенческого сообщества и подчеркнуто чуждается ее. Однако позже он так вспомнит университет в поэме «Сашка»:

Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О Боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

Тон иронический, как и тон всей поэмы, но сказано явно не без симпатии и сочувственного интереса.

В университетские годы Лермонтов много писал: поэмы, пьесы, лирические стихотворения. На лекции он ходил нерегулярно, а явившись в аудиторию, далеко не всегда слушал лектора, нередко усаживаясь в стороне от других с книгой. С интересом он занимался английской словесностью, слушал лекции историка М. П. Погодина. Предполагают, что должен был слушать Н. И. Надеждина, читавшего археологию и теорию изящных искусств и пользовавшегося успехом среди студентов.

Впрочем, как раз в годы пребывания в университете Лермонтова преподавание в целом было не на высоте. Многие профессора на экзаменах требовали не столько знаний вообще, сколько пересказа собственных лекций. С двумя из таких Лермонтов имел столкновение во время экзамена, надерзив им, когда они, несмотря на проявленные им начитанность и знания, потребовали ответа по своим лекциям, которыми Лермонтов, по-видимому, пренебрег. После этого он вынужден был

подать прошение об увольнении, сославшись на желание продолжить образование в Петербургском университете.

В московский период своей жизни Лермонтов пережил страстное увлечение дочерью известного в то время драматурга Ф. Ф. Иванова (впоследствии по мужу Обресковой), которой посвящен большой цикл стихов 1830—1832 гг. («Н.Ф.И.», «Н.Ф.И...вой», романс «К И...» и др.). Итог этого романа отразился в драме «Странный человек». Наталья Федоровна была очень красива, сначала поощряла увлечение Лермонтова, но затем сделалась холодна и отвергла ухаживания поэта. Связанная с Ивановой лирика мрачна и драматична. К концу этого романа и после разрыва (предположительно летом 1831 г.) в ней появляются мотивы неверия в женщину вообще, чувство обреченности на одиночество и непонимание и в то же время гордость своим поэтическим призванием. Все эти волнующие его чувства он выразил в стихотворении 1832 г. «К ***»:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душой.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам...

После этого бурного увлечения, оставившего в душе Лермонтова глубокую обиду, он испытал очень серьезное чувство к младшей сестре своего друга А. А. Лопухина, Вареньке. Шан-Гирей пишет об этом: «Будучи студентом, он был страстно влюблен <...> в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину. Это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная. Как теперь помню ее ласковый взгляд и светлую улыбку <...> чувство к ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей, несмотря на некоторые последующие увлечения, но оно не могло набросить и не набросило мрачной тени на его существование: в начале своем оно возбудило взаимность...»

Уезжая с бабушкой в Петербург, Лермонтов оставлял в Москве привычный дружеский и родственник круг.

Петербург ему не понравился. Вот его впечатления от столицы:

Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — всё сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Всё удивительно и ново,
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..

Лермонтов родился в Москве, старой столице, которая после реформ Петра и строительства Петербурга утратила большую часть государственных функций столичного города, но продолжала оставаться местом коронации и, в сознании русских людей, хранительницей традиционной духовной культуры и национальной исторической памяти. И сколько бы в дальнейшем ни странствовал Лермонтов, какие бы важные события ни происходили с ним в Петербурге, в русской литературе он останется человеком «московским».

В «Песне про царя Ивана Васильевича...» Москва становится едва ли не самостоятельным действующим лицом. Москве он посвятил ныне хрестоматийные строки в стихотворении «Бородино» и в поэме «Сашка»:

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец; ты вздрогнул — он упал!

Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений...

В Петербурге все пошло не так, как первоначально было задумано: в здешнем университете Лермонтову отказались зачесть экзамены, сданные в Московском университете, да, вероятнее всего, Лермонтову и не пришелся по душе новый университет — он не захотел поступать в него на условиях, выдвинутых университетскими чиновниками. После советов с родственниками — детали этих обсуждений неизвестны — Лермонтов решает избрать военную карьеру и, выдержав экзамены, поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Это учебное заведение было создано для желающих поступить в гвардию дворянских юношей, учившихся в университетах или частных пансионах, где они не получали военной подготовки. Программа обучения здесь — как и в большинстве других военных учебных заведений XIX в. — отнюдь не ограничивалась военными дисциплинами. Предполагалось, что офицерство должно составлять значительную прослойку образованного общества.

Наряду с изучением различных военных дисциплин, занятиями в манеже, лагерными учениями летом и участием в осенних маневрах, в программу входило изучение истории, математики, судопроизводства, географии, словесности, французского языка.

Лермонтов учился с интересом, о чем свидетельствуют его записи в сохранившихся учебных тетрадях. Для описательного сочинения (такие задания давал преподаватель словесности В. Т. Плаксин) Лермонтов выбирает тему «Панорама Москвы». Получился прекрасный очерк, рисующий вид на Москву с кремлевской колокольни Ивана Великого, где рассказ о важнейших национально-исторических памятниках города сочетается с зарисовками городского быта. Но в этот «документальный» очерк-описание вторгаются лирико-патетические отступления и размышления Лермонтова об исторических судьбах России. Прорывается и реплика в вечном споре о Москве и Петербурге, уже который век то вспыхивающем, то затухающем в русской литературе и публицистике: «Москва не безмолв-

ная громада камней холодных, расставленных в симметрическом порядке... нет! У нее есть своя душа, своя жизнь. <...> Как у океана, у нее есть свой язык, язык сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов...»

Юнкерская школа впервые по-настоящему резко изменила среду и весь бытовой уклад Лермонтова, полностью оторвав его от всего «домашнего», уютного мира, в котором он до сих пор существовал. Это было закрытое учебное заведение, в город отправлялись только в отпуск, в школе можно было навещать воспитанников лишь в определенное время. Впервые Лермонтов лишен уединения. Вся его поведенческая стратегия изменяется не только по сравнению с домом и пансионом, но и по сравнению с университетом. В университетских аудиториях он вел себя подчеркнуто обособленно, в юнкерской школе это было невозможно. Лермонтов впервые учится иным способам защиты своего внутреннего мира, овладевая своего рода мимикрией (подражательностью). Он полностью «вписывается» в мир и образ жизни своей новой среды, аристократической военной молодежи. Собственные права Лермонтова на аристократизм, по-видимому, вызывали сомнение не только у некоторых окружавших его в школе, а позже и в светском обществе, но и у самого поэта.

Фамилия «Лермантов» (а так он писал ее до 1836 г.) не вызывала никаких ассоциаций со знатными дворянскими родами. Отец Лермонтова мог подтвердить свое дворянство письменными источниками лишь с XVIII в., более древние корни оставались в области легенд и семейных преданий. Согласно одним, русские Лермонтовы происходили от испанского герцога Лермы, по другим сведениям – от древнего шотландского рода Лермонтов, к которому принадлежал и легендарный поэт Томас Рифмач. Все эти романтические версии живо интересовали Лермонтова с ранней юности, но только через много лет после его смерти шотландская версия нашла документальное подтверждение: род действительно восходил к XI в., а основатель российской ветви появился здесь в эпоху Смутного времени.

Лермонтов выработал защитную манеру поведения, опираясь на свои разнообразные способности: он обладал острым языком и мог убийственно высмеять, прекрасно рисовал карикатуры — дарования, востребованные в его товарищеском кругу. Эта новая манера действительно ограждала сложный и ранимый внутренний мир поэта, но она же, конечно, была причиной такого множества недоброжелателей, сводивших счеты с Лермонтовым в своих мемуарах.

Конечно, в условиях школы творческая работа была очень затруднена: к этим годам относится немного произведений, а может быть, и затрудненность датировки некоторых из дошедших объясняется тем, что в это время Лермонтов всячески таил свою работу. Но все-таки здесь Лермонтов писал свой незаконченный исторический роман, впоследствии названный публикаторами «Вадим», предполагают, что здесь задумывалась поэма «Сашка». Здесь продолжалась работа над поэмой «Демон» — замыслом, с которым Лермонтов не расставался практически всю жизнь. Писательство должно было оставаться тайной для начальства, но товарищи знали о поэтическом даре Лермонтова, некоторые относились к нему серьезно и сохранили рукописи поэта. Написанную здесь поэму «Хаджи Абрек» один из однокашников поэта, несмотря на отказ автора опубликовать ее, отправил в журнал «Библиотека для чтения», где ее и напечатали. Лермонтов был этим недоволен.

В письмах этого времени постоянно проскальзывает нетерпеливое ожидание производства в офицеры как момента освобождения, а два года, проведенные в школе, он назвал «ужасными». Конечно, поэта угнетала муштра, жесткая военная дисциплина и незнакомое ему прежде чувство зависимости, подчиненности (тем более, что шефом школы был великий князь Михаил Павлович, любитель военной выправки). Но, думается, еще тяжелее было чувство раздвоенности. Строгая дисциплина, форма и выправка сочеталась с разнузданными кутежами, попойками, сомнительными похождениями с женщинами легкого поведения во время лагерной жизни. Рукописный журнал «Школьная заря» заполнялся не только карикатурами, но и стихами порнографического характера. Лермонтов тоже внес в него свою лепту так называемыми «юнкерскими поэмами» «Петергофский праздник», «Гошпиталь» и «Уланша». Это

циническое «двоемирие» дополнялось и собственной вынужденной раздвоенностью тех лет: писать одновременно «Демона» и «Петергофский праздник» было, видимо, душевно непросто. Что-то надломилось в личности Лермонтова в эти годы.

В ноябре 1834 г. Лермонтов выпущен из школы корнетом и назначен в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском Селе. Воспоминания его сослуживцев и бывших однокашников по юнкерской школе повествуют о вольных нравах военной

М. Ю. Лермонтов в ментике лейб-гвардии Гусарского полка.
Художник П. Е. Заболоцкий. 1837 г.

молодежи. Такой жизнью живет в эти годы и Лермонтов: кутежи, цыгане, светская жизнь. Во время учения в школе бабушка наняла квартиру поблизости, по воскресеньям Лермонтов бывал у нее. Но когда его произвели в офицеры, она уехала в Тарханы в надежде сделать имение более доходным, т.к. гвардейская служба внука требовала денег. Но уже в 1836 г. по просьбе Лермонтова вернулась в Петербург. Образ жизни внука казался ей правильным: «Гусар мой по городу рыщет, и я рада, что он любит по балам ездить: мальчик молоденький...» — пишет она родственнице.

Между тем Лермонтов не был доволен своим положением в свете, где первенство могли обеспечить знатность, богатство, связи, а не таланты и человеческая значительность.

В 1835 г. разворачивается его светская интрига с Е. А. Сушковой (впоследствии по мужу — Хвостовой). Сушковой он был увлечен еще в Москве, пятнадцатилетним юношей. По понятиям того времени, семнадцатилетняя Сушкова была уже взрослой девушкой, красивой, умной, кокетливой, имевшей много поклонников, ухаживания подростка она не воспринимала всерьез. Ей адресованы многие стихи 1830 г., в которых отразились реальные обстоятельства этого юношеского увлечения и одновременно чувствуется влияние лирики Байрона, связанной с также отвергнутой юношеской любовью английского поэта. Эти стихи обычно называют «сушковским циклом», сюда входят «К Сушковой» («Вблизи тебя до этих пор...»), «Благодарю», «Нищий», «Стансы» («Взгляни, как мой спокоен взор...»), «Ночь», «Я не люблю тебя, страстей...» и предположительно некоторые другие. Все они говорят о насмешливо отвергнутом чувстве влюбленного.

В 1835 г. ситуация коренным образом меняется: более не любящий Сушкову Лермонтов ухаживает за ней на глазах светских знакомых, добивается от нее признания в любви, после чего резко обрывает ухаживания. Резкость разрыва, возможно, объясняется тем, что Лермонтов получает известие о помолвке Вареньки Лопухиной и не без оснований думает, что дело, возможно, решили слухи о его «романе» с Сушковой. Вся эта история прокомментирована самим Лермонтовым в письмах поэта к кузине А. М. Верещагиной, а также отразилась в неоконченном романе «Княгиня Лиговская», в сюжетной линии

Негуровой, а линия княгини Лиговской отражает переживания, связанные с замужеством В. Лопухиной.

Эта светская интрига, конечно, не украшает Лермонтова, она свидетельствует к тому же о некой «моральной порче», о помрачении личности под влиянием среды, к которой он и чувствовал вражду, и стремился с ней слиться, самоутвердиться в этом обществе. Но тайная художественная работа продолжалась и в эти годы. Именно теперь он пишет «Маскарад», реализуя свою любовь к театру, мечтает увидеть пьесу на сцене. Он будет несколько раз переделывать ее, чтобы преодолеть цензуру, — случай единственный в его жизни, но пьеса при жизни автора так и не была разрешена к исполнению. Тогда же начат роман «Княгиня Лиговская», в замысле, а может быть, и в работе над которым участвует его близкий друг этих лет С. А. Раевский, живущий с ним вместе. Поступок Вареньки сперва раздосадовал Лермонтова, но, потеряв ее навсегда, он, видимо, понял неизбежность ее шага. Он уехал из Москвы не объяснившись, да и едва ли совсем молодой человек, еще не завоевавший никакого положения, не нашедший своей дороги в жизни, мог предложить ей руку. А ведь они были почти ровесники, на что она могла надеяться в будущем? Брак Варвары Александровны не был счастливым, она хирела, грустила, муж ревновал ее к Лермонтову, а родные зорко оберегали ее имя, не допускали никаких упоминаний о любви к ней Лермонтова, только после смерти всех участников этой драмы Шан-Гирей смог опубликовать свои воспоминания, где говорится о самом глубоком и длительном чувстве Лермонтова. Письма Лермонтова к ней были уничтожены по требованию мужа, но часть своего архива с посвященными ей произведениями, рисунками Лермонтова она спасла, передав его А.М.Верещагиной. Лопухиной посвящены стихотворения «К Л.» («У ног других не забывал...»), «К*» («Мы случайно сведены судьбою...»), «К*» («Оставь напрасные заботы...»), «Она не гордой красотою...», «Слова разлуки повторяя...», «Валерик», предположительно — «К*» («Мой друг, напрасное старанье...»), «Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»), «Расстались мы, но твой портрет...». В стихотворении «Нет, не тебя так пылко я люблю...» речь также идет о Лопухиной. О ней идет речь в поэме «Сашка» (стихи 25—26), в пьесе «Два брата», отзвуки этих отношений есть в романе «Герой нашего времени».

Лопухиной Лермонтов посвятил поэму «Измаил-Бей» (при подготовке к печати посвящение было снято), 6-ю редакцию «Демона». Вместе с тем Лермонтов также всячески оберегал ее имя, и эта самая большая его любовь долго оставалась неизвестной комментаторам и читателям.

Смерть Пушкина перевернула жизнь Лермонтова. «Сон души», можно сказать, закончился. Стихотворение «Смерть поэта», распространившееся в сотнях списков, сделало его имя широко известным. Жизнь его свернула с уже словно бы наметившейся колеи. Как известно, стихотворение «Смерть поэта» было написано в два приема. Оно первоначально кончалось строкой «И на устах его печать». По рассказу С. А. Раевского, заболевшего Лермонтова навестил его родственник, камер-юнкер Н. А. Столыпин, который стал, ссылаясь на мнение двора, осуждать Пушкина и оправдывать Дантеса. Лермонтов вышел из себя, произошла ссора, после ухода гостя Лермонтов и написал заключительные строки:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Резкая смена тона: от скорби к проповеднической ярости — стилистика не то ветхозаветных пророков, не то гневной сатиры Державина. Нет ли здесь и тени стыда за свою принадлежность к этому кругу? Может, и это чувство питает какую-то отчаянную патетику этих строк... Наказание за дерзость последовало очень быстро. В докладной записке шефа жандармов Бенкендорфа Николаю I о стихотворении говорится, что это «бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». Возникло «Дело о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым, и о распространении оных губернским секретарем Раевским». Лермонтов и Раевский были арестованы, и вскоре царь вынес решение: Лермонтова перевести «тем же чином в Нижегородский драгунский полк», Раевского сослать в Олонецкую губернию.

В переписке родственников и семейных знакомых, завязавшейся по этому поводу, преобладают упреки Лермонтову, не подумавшему о бабушке. Сколько раз потом в русской истории повторится эта коллизия между гражданским и семейным долгом!

Наказание можно было считать еще относительно мягким, если вспомнить, что всего несколько лет назад Полежаев за поэму «Сашка» был отправлен рядовым на Кавказ. Но Лермонтов был в отчаянии, что из-за него пострадал Раевский. «Милый мой друг Раевский. Меня нынче отпустили домой проститься. Ты не можешь вообразить моего отчаяния, когда я узнал, что я виной твоего несчастья. <...> Я сначала не говорил про тебя, но потом меня допрашивали от государя: сказали, что тебе ничего не будет и что если я запрусь, то меня в солдаты ... Я вспомнил бабушку... и не смог. Я тебя принес в жертву ей... Что во мне происходило в эту минуту, не могу сказать».

Сам Раевский никогда не винил в своей ссылке Лермонтова, считая, что предлогом воспользовались его враги по службе. Висковатый записал рассказ сестры Раевского о встрече друзей после возвращения ее брата в Петербург: «...через несколько часов вбежал в комнату Лермонтов и бросился на шею к ее брату. «Я помню, как он его целовал и потом всё гладил и говорил: «Прости меня, прости меня, милый». Я была ребенком и не понимала, что это значило, но как теперь помню растроганное лицо Лермонтова и его большие, полные слез глаза. Брат был тоже растроган до слез и успокаивал друга своего».

В марте 1837 г. Лермонтов через Москву отправляется в свою первую ссылку на Кавказ, поскольку там воевал его новый полк. В начале мая он приехал в Ставрополь и подал рапорт о болез-

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет.
1837 г.

ни, после освидетельствования направлен в Пятигорск для лечения минеральными водами. Только осенью он отправился в свой отряд. Во время первой ссылки Лермонтов проехал от Кизляра до Тамани, был в Тифлисе. Если по окончании школы и до первой ссылки его круг общения — преимущественно светское общество и гвардейская золотая молодежь, то на Кавказе он знакомится со ссыльными декабристами и особенно сходится с А. И. Одоевским, с очень разнообразным по социальному составу офицерством, ближе узнает солдат и казаков. Его жизненный опыт расширяется.

Новые впечатления оказали сильное влияние на его творчество. В 1838 г. он создает очередную редакцию «Демона», в которой действие перенесено на Кавказ. Появление ярких картин реального быта (вместо неопределенного литературно-условного фона ранних редакций) только усилило философско-символический смысл легенды о падшем духе. Написанная в 1839 г. поэма «Мцыри» значительно отличается от ранних кавказских поэм не только возросшим мастерством поэта, но и очень живыми, полными конкретных подробностей впечатлениями от Кавказа.

Вскоре хлопоты родных и друзей увенчались успехом. Лермонтов возвращен в гвардию и назначен в Гродненский полк, стоявший в Новгороде. Между тем бабушка не прекращала хлопоты, и скоро Лермонтова перевели в прежний полк, в Царское Село.

Вернувшись в Петербург, Лермонтов обнаружил, что положение его в свете изменилось. Наконец достигнутая известность была совершенно иного рода, чем та, которую могла принести светская интрига: теперь он — поэт, перенесший опалу. «Надо Вам сказать, — писал он М. А. Лопухиной, — что я самый несчастный человек, и Вы поверите мне, когда узнаете, что я каждый день езжу на балы: я пустился в большой свет; в течение месяца на меня была мода, меня буквально разрывали. <...> Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, старается осыпать меня лестью; самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихи и хвастаются ими, как величайшей победой. Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ — отказали. Не хотят даже, чтобы меня убили. <...> вы знаете, что самый большой мой недостаток — это тщеславие и самолюбие; было вре-

мя, когда я в качестве новичка искал доступа в это общество; это мне не удавалось: двери аристократических салонов были для меня закрыты; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав <...> женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да, я, Ваш Мишель, добрый малый, у которого Вы и не подозревали гривы». В письмах этого времени постоянно мелькает желание уйти в отставку, но бабушка этого не хочет — «надо же ей чем-нибудь пожертвовать». Лермонтов просит хоть отпуска, чтобы съездить в Москву, скучая и по городу, и, конечно, по московским друзьям.

Однако петербургский круг Лермонтова в этот период не ограничивается лишь обществом, куда его, по собственному признанию, влечет тщеславие. Важнейшим «приобретением» Лермонтова был салон Карамзиных, семьи покойного Н. М. Карамзина — вдовы Екатерины Андреевны и дочери историка от первого брака Софьи Николаевны. С 1825 по 1851 гг. он был важным для культурной жизни Петербурга, в нем бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский, Александр Тургенев, М. И. Глинка, В. Ф. Одоевский. Дочь Тютчева вспоминала, что «это был истинный оазис литературных и умственных интересов». Братья Софьи Николаевны тоже дружны с Лермонтовым. Еще до знакомства с поэтом, которое произошло в сентябре 1838 г. в Царском Селе, в переписке Карамзиных прозвучала чрезвычайно высокая оценка «Смерти поэта». Лермонтов сразу же понравился всей семье и стал постоянным гостем, близким человеком в доме. Софья Николаевна очень любила его поэзию, над ее увлечением даже слегка подтрунивали друзья. Впрочем, ничего «романического» в этих отношениях не было, Софья Николаевна была на 12 лет старше поэта. А Лермонтов, несмотря на некоторые скептические высказывания в его произведениях о дружбе, с юности умел дружить с женщинами. Переписка Карамзиных рисует Лермонтова не только как выдающегося поэта, но и как живого, остроумного и веселого участника домашних развлечений. Видимо, здесь Лермонтов чувствовал себя среди близких и «защищаться» не требовалось... Зимой 1838 г. Лермонтов — частый посетитель салона Одоевского, нередко бывал у Жуковского, в музыкальном са-

лоне М. Ю. Вьельгорского. Одоевский помогал прохождению произведений Лермонтова в цензуре.

1837 г. обозначил грань в творчестве Лермонтова. До этого он писал, не публикуя, и потому свободно использовал сюжеты, образы, строчки из своих же более ранних произведений в последующих. После «Смерти поэта» его литературная деятельность приобретает публичный характер. Для печати он отбирал написанное строго, пожалуй, как никто из русских классиков.

Лермонтов становится постоянным и высоко ценимым автором журнала А. А. Краевского «Отечественные записки». В этом журнале с подзаголовком «рассказ» появилась «Бэла», которая еще не воспринималась как часть будущего романа, такие значительные лирические стихи, как «Поэт», «Казачья колыбельная», «Не верь себе», «Ветка Палестины». Жизнь как будто налаживалась, удавалось сочетать военную службу с литературной деятельностью. Но очередной поворот судьбы снова круто все изменил.

Несмотря на творческую активность и радость интеллектуального общения, Лермонтов продолжал и общение чисто светское. В эти годы он увлекается молодой вдовой — княгиней Марией Алексеевной Щербатовой, урожденной Штерич. Это была красивая и образованная женщина, Лермонтов познакомился с ней, вероятнее всего, в салоне Карамзиных. Она высоко ценила поэзию Лермонтова и была к нему неравнодушна. Ей посвящены стихотворения «Молитва» («В минуту жизни трудную») и «На светские цепи...»; последнее стихотворение Щербатова сама отдала в «Отечественные записки» — уже после смерти Лермонтова. В феврале 1840 г. на балу у графини Лаваль произошла ссора Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом, тоже ухаживавшим за Щербатовой. При этом Барант выразил сожаление, что они в стране, где запрещены дуэли. Лермонтов немедленно принял вызов. Мотивы ссоры, видимо, были непросты. Светская молва склонна была однозначно приписывать их соперничеству из-за Щербатовой (так думал и Шан-Гирей), по другим сведениям, спор произошел из-за убийства Дантесом Пушкина. Во время дуэли Барант поцарапал Лермонтова шпагой, затем, стреляя, промахнулся. Лермонтов выстрелил в воздух. Лермонтов, видимо, чувствовал себя вполне правым и не ожидал тяжелых последствий:

ведь он защищал не только свою честь, но и национальное достоинство русских, к тому же и стрелял в воздух.

В марте Лермонтова арестовали, Барант, как иностранец, оставался на свободе. Общество приняло сторону Лермонтова. Под арестом Лермонтов написал стихи «Воздушный корабль», «Соседка», «Журналист, читатель и писатель» и подготовил к изданию сборник стихотворений.

Военно-судная комиссия в своем заключении отметила, что Лермонтов вышел на дуэль «не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера». Но Барант во всех гостиных опровергал показания Лермонтова о выстреле в воздух, считая это оскорбительным. Лермонтов вызвал его к себе на Арсенальную гауптвахту, где он содержался, и предложил новую дуэль. Барант отказался от своих претензий при двух свидетелях. Тем не менее его мать пожаловалась великому князю, и положение Лермонтова осложнилось.

Суд решил в наказание перевести Лермонтова из гвардии в армию. За Лермонтова попыталась вступиться императрица и дала Николаю I прочитать «Героя нашего времени». Император роман не одобрил и ужесточил наказание: Лермонтова отправили в Тенгинский полк, который постоянно участвовал в опасных боях на Кавказе.

В начале мая Лермонтов выехал из Петербурга. В это время в продажу поступила его первая книга — «Герой нашего времени». Жить Лермонтову оставалось меньше двух лет. По пути на Кавказ Лермонтов задержался в Москве. Теперь, приехав в Москву, Лермонтов общается уже не только с родней и семейными знакомыми. В это время интеллектуальная жизнь Москвы была очень насыщенной, и Лермонтов общается здесь с широким кругом литераторов и мыслителей, в том числе с П. Я. Чаадаевым и идеологами формировавшегося славянофильства — А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным, К. С. Аксаковым. В круг его московских литературных знакомств входят С. Т. Аксаков, М. Н. Загоскин, Н. Ф. Павлов. На именинном обеде Гоголя в саду Погодина он читает отрывки из поэмы «Мцыри».

Прибыв на Кавказ, Лермонтов попадает в отряд на левый фланг Кавказской линии и постоянно участвует в военных действиях. Все мемуаристы вспоминают о его исключительной

личной храбрости. В феврале 1841 г. он был представлен к «Золотой полусабле», однако Николай вычеркнул имя Лермонтова из представления.

Настойчивые хлопоты бабушки привели к тому, что Николай I разрешает дать Лермонтову двухмесячный отпуск. В начале февраля 1841 г. он приезжает в Петербург. В этот приезд

М. Ю. Лермонтов. Перестрелка в горах Дагестана.
1840–1841 гг.

больше всего времени он проводит в салоне Карамзиных, много общается с В. Ф. Одоевским, Смирновой-Россет (приятельницей Пушкина, а затем Гоголя), поэтессой Е. Ростопчиной, которой он писал еще со времен своей московской юности (она была кузиной Е. А. Сушковой, тогда, в Москве, ей были посвящены стихи «Крест на скале» и мадригал «Додо»), но в последний петербургский приезд между ними завязывается тесная дружба. Перед отъездом Лермонтов подарил ей альбом с посвященным ей стихотворением «Я верю, под одной звездой...». Встречался Лермонтов и с В. А. Жуковским, принимавшим в его судьбе живое участие.

Известно, что Лермонтов делился со знакомыми своими прозаическими замыслами: написать три романа — из Екатерининской, Александровской и современной эпохи. Хотел он вернуться к поэме «Демон». Лермонтов мечтал выйти в отставку полностью посвятить себя литературе. Но в отставке было отказано, напротив — его торопили с возвращением на Кавказ. Попытки Жуковского добиться смягчения участи Лермонтов потерпели неудачу.

Накануне отъезда поэта в доме Карамзиных состоялся прощальный вечер. На следующий день В. Ф. Одоевский подарил Лермонтову записную книжку с такой надписью: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга, чтоб он возвратил мне её сам, и всю испи- санную». Этому пожеланию не суждено было сбыться — книга вернулась к Одоевскому только после смерти Лермонтова, и исписана она была далеко не вся. Но зато среди записанного в ней — жемчужины лермонтовской лирики. На вечере Лермонтов был грустен и, по воспоминаниям Ростопчиной, настойчиво говорил о своей близкой смерти. Может быть, этим и объясняется в надписи Одоевского подчеркнутое «...с тем, чтобы он возвратил мне её сам...».

По дороге на Кавказ Лермонтов на несколько дней снова задержался в Москве. В это время вышел номер «Отечественных записок» с сообщением об ожидаемом втором издании «Роя нашего времени», так как первый тираж распродан. Уже в Москве в эти дни Лермонтов стал заполнять книжку Одоевского: «Они любили друг друга так долго и нежно...» — мысли Вареньке Лопухиной, конечно, тревожили его здесь, где в него напоминало о юности; «Спор» — это стихотворение было передано Самарину для журнала «Москвитянин»; баллада «Тамара», вероятно, также «Утес» и «Сон». И всё это за несколько дней! При последней встрече с Самариным Лермонтов сказал: «Если бы мне позволено было оставить службу, с каким удовольствием поселился бы я здесь навсегда».

В эти московские дни Лермонтов посетил бал в Благородном собрании, и здесь его видел бывший университетский товарищ, поэт Красов, который писал об этой встрече Краевскому: «Я не видал его десять лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергическое, простое, львиное лицо. Он был грустен, и, когда уходил из собрания в своем армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце — так мне жаль его было». Письмо датируют июлем 1841 г., в нем Красов, живущий в провинции, спрашивает, не возвращен ли Лермонтов и почему в последнем номере «Отечественных записок» нет его стихов. Между тем Лермонтова уже не было в живых...

Приехав на Кавказ, поэт задержался для лечения в Пятигорске. Компания молодых офицеров часто проводила вечера в доме Верзилиных, все наперебой ухаживали за молодыми дочерьми хозяев. Здесь бывал и недавно вышедший в отставку товарищ Лермонтова по школе юнкеров Мартынов, носивший черкеску и не снимавший даже в гостиных огромного кинжала. На одном из вечеров Лермонтов своими шутками вывел из себя недалекого и обидчивого приятеля, и тот вызвал его на дуэль, которая состоялась у подножия горы Машук 15 июля 1841 г. Секундантам не удалось предотвратить поединок, хотя они, видимо, были вполне убеждены, что дело должно кончиться миром: на месте дуэли не было ни экипажа, ни врача. Лермонтов не стрелял, Мартынов выстрелил и убил поэта. Разразилась страшная гроза, и тело Лермонтова только поздним вечером удалось доставить домой.

Обстоятельства дуэли оставались неясными, т.к. арестованные участники — Мартынов и двое из четверых секундантов (Глебов и Васильчиков), имевшие возможность сговориться между собой, всячески стремились смягчить свою вину и в показаниях были далеки от истины. Участие двух других секундантов, А. А. Столыпина и С. В. Трубецкого, скрыли, т.к. оба они были ссыльными и могли понести более суровое наказание. Во время следствия утаили очень жестокие условия дуэли, все утверждали, что вызов сделан Лермонтовым (что не согласуется с обстоятельствами ссоры — ведь обиделся Мартынов). Когда дело передали в окружной суд, там не поверили достоверности показаний и попытались назначить объективное расследование, но в это время пришел приказ Николая I решить дело в

военном суде, где все показания приняли на веру. Мартынова признали виновным в дуэли, приговорили к лишению чинов и прав состояния, то же наказание назначили секундантам. Решение передали на утверждение вышестоящих инстанций. Оно было смягчено кавказским военным начальством, после чего отправлено Николаю I. Его приговор всех поразил: Мартынову назначено церковное покаяние, а секунданты прощены.

Лермонтова похоронили в Пятигорске, с большим трудом уговорив священника совершить отпевание, так как гражданский закон того времени предписывал считать погибших на дуэли самоубийцами.

Гибель Лермонтова получила большой общественный резонанс. Неясные обстоятельства дуэли и неслыханно мягкое наказание убийцы породили незатихающие слухи. Так, в Пятигорске большинство верило, что Лермонтов отказался стрелять, а Мартынов выстрелил в него с близкого расстояния. Лишь много лет спустя Васильчиков рассказал Висковатову, что Лермонтов не стал подходить к барьеру: «...всё стоял, вытянул руку кверху, по-прежнему кверху же направляя дуло пистолета...» Многие сочли дуэль если не прямым убийством, то, во всяком случае, подготовленной расправой с опальным поэтом. В 1842 г. по просьбе бабушки гроб с телом Лермонтова привезли в Тарханы и захоронили в фамильном склепе.

.....

Хроника жизни

1814 г., в ночь со 2 на 3 октября — в Москве родился М. Ю. Лермонтов. Через несколько месяцев перевезен в Тарханы.

1827 г. — переезд из Тархан в Москву.

1828—1830 гг. — обучение в Московском университетском благородном пансионе.

1830—1832 гг. — учеба в Московском университете.

1832—1834 гг. — обучение в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

1834—1837 гг. — служба в лейб-гвардии Гусарском полку в чине корнета.

1837 г. — стихотворение «Смерть поэта». Арест. Перевод прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, воюющий на Кавказе.

1837—1838 гг. — первая Кавказская ссылка.

1838 г. — возвращение в Петербург. Служба в лейб-гвардии Гусарском полку.

1840 г. — дуэль с Эрнестом де Барантом.

1840 г. — перевод в Тенгинский пехотный полк по распоряжению Николая I.

1840 г. — роман «Герой нашего времени». Сборник «Стихотворения М. Лермонтова».

1841 г. — отпуск в Петербург.

1841 г., 15 июля — Лермонтов убит на дуэли Мартыновым.